

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С80

Maggie Stiefvater
THE RAVEN KING

Copyright © 2016 by Maggie Stiefvater
All rights reserved. Published by arrangement with Scholastic Inc.,
557 Broadway, New York, NY 10012, USA

Стивотер, Мэгги.

С80 Король воронов / Мэгги Стивотер; [пер. с англ. В. С. Сергеевой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с. — (Young Adult. Бестселлер Мэгги Стивотер).

ISBN 978-5-04-093197-2

Продолжение культовой книги «Воронята», лауреата престижной премии Michael L. Printz, которая вручается за лучший молодежный роман.

Роман «Воронята» — это:
Лучшая книга года по версии Publishers Weekly.
Лучшая книга года по версии New York Times.
Лучшая книга года по версии Kirkus Reviews.

«Чей-то голос шепнул ему в ухо: «Ты будешь жить благодаря Глендауэру. Кто-то на силовой линии сейчас умирает, хотя не должен. Поэтому ты будешь жить, хотя не должен».

Он умер — но не сумел остаться мертвым.
Он был королем».

Многие годы Ганси провел в поисках утраченного валлийского короля. Одного за другим он втянул в эти поиски своих друзей. Ронана, который умел выносить предметы из снов. Адама, чья жизнь больше ему не принадлежала. Ноя, чью жизнь и жизнью-то нельзя было назвать. И Блу — девушку, что любила Ганси всем сердцем, но которой было предначертано... его убить.

Теперь, когда поиски подошли к концу, а мечты и кошмары объединились против них, друзьям предстоит решиться на самый страшный шаг в их жизни».

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-093197-2

© Сергеева В.С., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Саре, отважно занявшей Гибельное Место.

Спать, плыть и видеть сны — навеки.

ЭДЖЕРНОН ЧАРЛЬЗ СУИНБЕРН.
«СОН ПЛОВЦА»

*Те знаменья отметили меня
Отличным от других. И все теченье
Моей дальнейшей жизни подтвердило,
Что я не из людей обыкновенных¹.*

Уильям ШЕКСПИР.
«ГЕНРИХ IV»

Любимый, композитор ступил в огонь.

АННА СЕКСТОН.
«ПОЦЕЛУЙ»

¹ Пер. Н. Минского.

ПРОЛОГ

Ричард Ганси Третий уже сбился со счета, сколько раз ему говорили, что он рожден для величия. Так его воспитали — благородство и целеустремленность с обеих сторон родословной. Дед Ганси по матери был дипломатом, архитектором судеб; дед по отцу был архитектором, дипломатом стилей. Бабушка по матери обучала детей европейских принцесс. Бабушка по отцу на собственные деньги построила школу для девочек. Ганси были придворными и королями, а если не существовало замка, куда их могли пригласить, они возводили его сами.

Он был королем.

Однажды самого младшего в роду Ганси насмерть покусали осы. Но он обладал преимуществом во всем, и смерть не стала исключением. Чей-то голос шепнул ему в ухо: «Ты будешь жить благодаря Глендауэру. Кто-то на силовой линии сейчас умирает, хотя не должен. Поэтому ты будешь жить, хотя не должен».

Он умер — но не сумел остаться мертвым.

Он был королем.

Его мать, сама по себе особа королевской крови, вступила в борьбу на политическом поприще и, что неудивительно, изящно достигла верхних строк избирательного списка. Вперед и вверх. А что, кто-то сомневался? Ну,

вообще-то... да, постоянно, всегда, поскольку Ганси не требовали услуг. Зачастую даже не просили о них. Они определенным образом поступали с людьми и молча надеялись, что те точно так же поступят с ними.

Сомнение... любой Ганси только и делал, что сомневался. Любой Ганси смело совал руку в непроглядно черную воду, не ведая своей судьбы до тех пор, пока не ощущал в раскрытой ладони рукоять меча.

Но... всего несколько месяцев назад один конкретный Ганси сунул руку в темную неизвестность будущего, рассчитывая обнаружить там обещанный меч, но вместо этого вытащил зеркало.

В некотором хитровывернутом смысле это было справедливо. Честно.

Это произошло 25 апреля, в канун дня святого Марка. За несколько лет до того Ганси прочитал книгу «Великая тайна: силовые линии мира», написанную Роджером Мэлори. В ней Мэлори тяжеловесными словами объяснял, что, если подежурить в канун дня святого Марка на силовой линии, увидишь души тех, кто умрет в течение следующего года. К тому моменту Ганси уже успел повидать самые разные чудеса, происходившие вблизи силовой линии или на ней: девушку, которая могла читать книжку в полной темноте, если стояла на линии, старуху, способную поднять полную корзину фруктов силой мысли, смуглых тройняшек, которые плакали кровавыми слезами, а в жилах у них текла соленая вода... но всё это не включало Ганси. Не требовало его участия. Не объясняло смысл его существования.

Он не знал, почему спасся.

Но хотел знать.

Поэтому Ганси целую ночь дежурил на силовой линии, ставшей для него лабиринтом — в одиночестве, на парковке у церкви Святого Искупителя. Он ничего не видел и не слышал. На следующий день Ганси сидел

Король Воронов

рядом с «Камаро», уставший до безумия, и прокручивал ночную запись.

Его собственный голос в диктофоне прошептал: «Ганси». Пауза. «Всё, что есть».

Наконец-то это случилось. Он перестал быть простым наблюдателем и сделался участником.

Даже тогда какая-то крошечная часть Ганси задумалась, что означает этот факт. Когда через час его друзья пришли на помощь «Кабану», он, вероятно, уже понял, в чем дело. Он, вероятно, знал ответ, когда ясновидящие в доме номер 300 на Фокс-Вэй вытащили для него карту. Он, вероятно, знал ответ, когда лично пересказал всю историю Роджеру Мэлори.

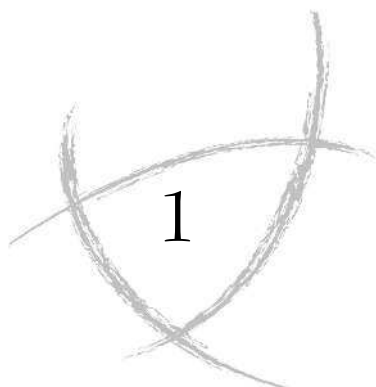
Ганси знал, чьи голоса шептались на силовой линии в ночь накануне дня святого Марка. Но он потратил несколько лет на то, чтобы заключить свой страх в оковы, и был еще не готов их снять.

Только когда умерла одна из ясновидящих в доме номер 300 на Фокс-Вэй, только когда смерть вновь стала реальностью, Ганси перестал отрицать правду.

Гончие псы в охотничьем клубе Агленби выли той осенью: прочь, прочь, прочь.

Он был королем.

В этом году он должен был умереть.

В зависимости от того, с чего вы начали эту историю, речь в ней шла про женщин из дома номер 300 на Фокс-Вэй.

Истории тянутся во все стороны. Жила-была женщина, которая хорошо умела играть со временем. Шаг вбок: жила-была дочь женщины, которая хорошо умела играть со временем. Теперь прыжок назад: жила-была дочь короля, которая хорошо умела играть со временем.

Повсюду, насколько хватает глаз, сплошные начала и концы.

За исключением одной лишь Блу Сарджент, все обитательницы дома номер 300 на Фокс-Вэй были ясновидящими. Посторонний человек мог предположить, что они сильно походили друг на друга, но в реальности они имели не больше общего, чем компания музыкантов, или врачей, или гробовщиков. «Ясновидящая» — это не столько склад характера, сколько набор умений. Система верований. Общее убеждение, что время — и история — есть не линия, а океан. Если ты не в состоянии найти именно тот момент, который ищешь, очевидно, ты заплыла недостаточно далеко. Вполне возможно, что ты просто плохой пловец. А еще вполне возможно (как неохотно признавали эти женщины), что некоторые моменты скрыты слишком далеко и лучше оставить их глубоководным

созданиям. Таким, как рыба-удильщик, с огромными зубами и фонариком, свисающим с морды. Ну, или таким, как Персефона Полдма. Она, впрочем, умерла, так что, наверное, это был не самый удачный пример.

В понедельник все наличествующие обитательницы дома номер 300 на Фокс-Вэй решили наконец исследовать нависшую над Ричардом Ганси угрозу, оценить ущерб, нанесенный их собственным жизням, как они их понимали, а также выяснить, каким образом связано то и другое, и связано ли вообще. Кроме того, Джими произвела очищение чакр в обмен на отличную бутылку жгучего торфяного виски и страстно хотела распить ее вместе с компанией.

Калла вышла на пронизывающий осенний холод, чтобы перевернуть табличку рядом с ящиком для писем. Теперь она гласила «ЗАКРЫТО. СКОРО ОТКРОЕТСЯ». Джими, верившая в магию трав, принесла несколько маленьких подушечек, набитых полынью (чтобы усилить проекцию души), и приготовила розмарин, чтобы жечь его на древесном угле (для памяти и ясновидения, что, по сути, есть одно и то же в двух разных направлениях). Орла потрясла дымящимся пучком шалфея над картами таро, Мора наполнила гадальную миску из черного стекла. Гвенллиан пела ликующую и непристойную песню, зажигая стоявшие в кружок свечи и опуская шторы. Калла вернулась в гадальную, держа в руках три статуэтки.

— Здесь пахнет как в поганом итальянском ресторане, — сказала она Джими, которая, не переставая напевать, разгоняла дым и виляла массивным тазом. Калла поставила свирепую статуэтку Ойи рядом с собственным креслом, а танцующее изображение Ошуна рядом с креслом Моры. Она крепко держала в руке третью статуэтку — это была Йемайя, водная богиня йоруба, которая всегда стояла возле кресла Персефоны (либо на комод в спальне Каллы).

— Мора, я не знаю, куда поставить Йемайю.

Мора указала на Гвенллиан, а та на Мору.

— Ты сказала, что не хочешь проделывать это в присутствии Адама, так что отдай ей.

— Ничего подобного, — заметила Калла. — Я сказала, что он ко всему этому слишком близок.

Проблема заключалась в том, что они все были к этому слишком близки. Они месяцами жили в предельной близости к этой ситуации. Настолько, что теперь трудно было сказать, не являются ли они этой ситуацией.

Орла перестала жевать резинку и спросила:

— Мы готовы?

— М-м-м-м... хотя Блу не хватает... м-м-м-м... — произнесла Джими, продолжая мычать и покачиваться.

Отсутствие Блу и впрямь было примечательным. В качестве мощного усилителя пророческих способностей она в данном случае пригодилась бы, однако все они шепотом согласились накануне вечером, что было бы жестоко обсуждать судьбу Ганси в ее присутствии больше необходимого. Женщины решили, что обойдутся Гвенллиан, пусть даже она была вдвое слабее и вдвое несговорчивее.

— Потом мы сообщим Блу результат, — сказала Мора. — Пожалуй, пойду извлеку Артемуса из кладовки.

Артемус: бывший возлюбленный Моря, биологический отец Блу, советник Глендауэра, обитатель кладовки в доме номер 300 на Фокс-Вэй. Чуть больше недели назад его достали из волшебной пещеры, и за это время он умудрился никоим образом не прирастить их эмоциональный и интеллектуальный ресурс. Калла считала Артемуса тряпкой (и не ошибалась). Мора полагала, что его неправильно понимают (и тоже не ошибалась). Джими сказала, что никогда в жизни не видела такого длинного носа (и, опять-таки, была права). Орла думала, что забаррикадироваться в кладовке — не лучший спо-

соб защититься от ясновидящей, которая тебя ненавидит (и не ошибалась). А Гвенллиан, собственно, и была ясновидящей, которая его ненавидела (и имела право).

У Моры ушло довольно много времени, чтобы убедить Артемуса выйти из кладовки; но, даже присоединившись к собравшимся за столом, он выглядел чужаком. Отчасти потому, что был мужчиной, отчасти из-за очень высокого роста. Но главное — потому что у Артемуса были темные беспокойные глаза, которые давали понять, что он повидал мир и для него это оказалось чересчур. Этот искренний страх резко контрастировал с уверенностью, которую в той или иной мере излучали ясновидящие обитательницы дома номер 300.

Мора и Калла знали Артемуса еще до рождения Блу, и обе полагали, что он сильно умалился по сравнению с собой прежним. Ну, Мора думала: «Сильно умалился», а Калла — просто «умалился», поскольку и раньше не была особенно высокого мнения об Артемусе. Впрочем, она никогда не питала пристрастия к долговязым мужчинам, которые появляются из волшебного леса.

Джими разлила виски.

Орла закрыла дверь в гадальную.

Женщины сели.

— Ну и компания, — сказала Калла в качестве вступительной реплики (и не ошиблась).

— Его ведь нельзя спасти? — спросила Орла.

Она имела в виду Ганси. Глаза у нее слегка затуманились. Не то чтобы она питала особенно теплые чувства к Ганси, но Орла была очень сентиментальна, и ее волновала мысль о юноше, которому предстояло погибнуть во цвете лет.

— М-м, — произнесла Мора.

Все женщины выпили. Артемус нет. Он бросил нервный взгляд на Гвенллиан. Та, неизменно внушительная, с башней волос, утыканных карандашами и цветами,

яростно взглянула на него в ответ. Жар ее взгляда вполне мог воспламенить остатки спиртного в бокале.

Мора спросила:

— Значит, мы должны этому помешать?

Орла, самая младшая и шумная из присутствующих, разразилась оглушительным юным смехом.

— И как именно вы ему мешаете?

— Я сказала — мешаем этому, а не ему, — сердито отозвалась Мора. — Не стану притворяться, будто в моей власти помешать Ганси исследовать Вирджинию в поисках собственной могилы. Я имею в виду остальное.

Калла со стуком опустила бокал на стол.

— О, я могла бы его остановить. Но суть не в этом. Всё уже расставлено по местам.

Всё расставлено по местам: бывший киллер, который ныне спал с Морой, его помешанный на сверхъестественных артефактах бывший босс, который ныне спал в Бостоне, непонятные существа, выползавшие из пещеры позади заброшенной фермы, набирающая силу магическая линия, волшебный разумный лес, некий мальчик, умеющий выносить предметы из снов, другой мальчик, мертвый, который отказывался упокоиться, девушка, которая сверхъестественным образом усиливала девяносто процентов вышеперечисленного...

Женщины выпили еще.

— Они так и будут ездить в этот безумный лес? — спросила Орла.

Кабесуотер ее не волновал. Она уже ходила туда с компанией и достаточно близко подобралась к нему, чтобы... почувствовать. Ясновидение лучше всего удавалось ей по телефону или по почте; лица только мешали на пути к истине. Но у Кабесуотера не было лица, а силовая линия превосходила любую телефонную. Орла чувствовала, как линия о чем-то ее просила. Она не могла разобрать, что конкретно ей нужно. И не думала, что

речь обязательно о чем-то плохом. Орла лишь ощущала огромность просьб и вес обещаний. Они могли изменить ее жизнь. Но Орлу всё вполне устраивало, спасибо большое, поэтому она раскланялась и ушла.

— В лесу ничего страшного, — сказал Артемус.

Все женщины посмотрели на него.

— Что значит «ничего страшного»? — спросила Мора.

— Кабесуотер любит их, — сказал Артемус, складывая свои огромные ладони на коленях и нацеливая на них свой огромный нос. Он то и дело поглядывал на Гвенллиан, словно боялся, что она на него набросится.

Гвенллиан многозначительно потушила одну из свечей бокалом; в комнате стало темнее на один крохотный огонек.

— Развернешь? — спросила Калла.

Артемус промолчал.

Мора сказала:

— Мы примем твое мнение к сведению.

Женщины выпили.

— Кто-то из присутствующих в этой комнате умрет? — спросила Джими. — Тогда, у церкви, появился кто-нибудь еще из тех, кого мы знаем?

— К нам это не относится, — ответила Мора.

Дежурство у церкви в норме предсказывало смерти тех, кто родился в Генриетте или непосредственно на «дороге мертвых» (ну, или как в случае Ганси, переродился). А все, кто сейчас сидел за столом, приехали из других мест.

— Впрочем, это относится к Блу, — заметила Орла.

Мора агрессивно переключивала карты.

— Это еще не гарантия безопасности. Бывает судьба страшнее, чем смерть.

— Давайте тасовать, — сказала Джими.

Каждая женщина поднесла колоду Таро к сердцу, потом перетасовала ее и наугад вытащила одну карту. И выложила на стол рубашкой вниз.